

1976 СЕРИЯ
Число выпусков
3
научно-популярное
естествознание
в регионах

А. Д. СУХОВ

О КОРНЯХ РЕЛИГИИ

А. Д. СУХОВ,
доктор философских наук

О КОРНЯХ РЕЛИГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Социальные корни религии	8
Гносеологические корни религии	19
Исторические корни религии	26

1-5-8

Б.З. № 79-1969 г. № 4.

Андрей Дмитриевич СУХОВ

О КОРНЯХ РЕЛИГИИ

Редактор *К. К. Габова*

Обложка *С. А. Бычкова*

Художественный редактор *Т. И. Добровольнова*

Технический редактор *А. С. Ковалевская*

Корректор *Н. П. Бут*

А 02222. Сдано в набор 25/XI 1969 г. Подписано к печати 18/XII 1969 г.
Формат бумаги 60x90/16. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0.
Печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,91. Тираж 44 400 экз. Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2989. Типография изд-ва
«Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 6 коп.

Введение

Когда говорят о корнях какого-либо явления, то под этим подразумевают наиболее существенные его причины. Вопрос о корнях религии — это вопрос о наиболее глубоких причинах ее возникновения и существования в обществе. Он имеет большую теоретическую и практическую значимость. Очень важно объяснить те причины, которые порождают религию, показать, что никаких сверхъестественных истоков у нее нет. Без рассмотрения корней религии нельзя понять ее как специфическое общественное явление и определить пути преодоления.

Поиски причин религиозности занимали ученых еще в глубокой древности. В домарксистском атеизме широкое хождение получила теория обмана. Мы встречаемся с ней уже в древнем мире. В Индии этой теории придерживается материалистическая школа локаята, признававшая только действительно существующий мир — лока (откуда и ее название). Согласно дошедшим до нас свидетельствам представители этой школы утверждали, что религия выдумана в корыстных целях и служит лишь обогащению касты жрецов. В античной Греции некоторые последователи Демокрита называли религию хитрой выдумкой. Средневековые вольнодумцы Европы и Арабского Востока пропагандировали теорию о трех обманщиках. Христос, Моисей и Мухаммед, говорили они, при помощи обмана создали и распространили соответственно три религии — христианство, иудаизм и ислам.

Однако наиболее последовательный и завершенный вид эта теория получила позже, в произведениях французских просветителей XVIII столетия — П. Гольбаха, Ж. Ламетри, С. Марешаля и других. По их мнению, не только мировые, но и все вообще религии, начиная с самых ранних и примитивных, рождены обманом. Это выдумка немногих людей, действовавших в собственных интересах, народ стал жертвой этих обманщиков, потому что был невежествен и слишком доверчив.

Как видим, теория обмана проходит через всю историю домарксистского атеизма, от древности до нового времени. В этой теории верно подмечена одна из сторон религиозной деятельности. Действительно, без сознательного обмана не обходились ни первобытные шаманы, ни языческие жрецы, ни служители церкви. Приверженцы этой теории остроумно разоблачали неприглядные махинации и интриги служителей культа, вскрывали присущие им ханжество и лицемерие.

Позитивной стороной теории обмана было и то, что она противопоставила естественные причины становления религии сверхъестественным, подошла к изучению религии как к обычному явлению, которое можно объяснить, не прибегая к откровению. Это создавало некоторые предпосылки для исследования религии.

В целом же эту теорию нельзя оценить иначе, как упрощенную и поверхностную. Хотя она и установила, что обман и невежество причастны к религии, наиболее глубокие причины религиозности ею не были выявлены. Поэтому теория обмана в конце концов не выдержала проверки временем, хотя и продержалась довольно долго. Практика, которая, как известно, является критерием истины, не подтвердила этой теории. Не подтвердила она и следовавших из нее выводов, что просвещение представляет собой вполне достаточное средство преодоления религии. Оказалось, что одних просветительских книжек, одной пропаганды атеизма недостаточно для того, чтобы покончить с религией.

Французские материалисты XVIII в. раскрыли противоречия, свойственные «священному писанию» и религиозному мировоззрению в целом, убедительно показали несоответствие религии выводам науки. Атеистические произведения французских мыслителей XVIII столетия высоко ценили основоположники марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс называл эту литературу превосходной, рассматривал ее как высшее достижение французского духа, считал, что она, «учитывая тогдашний уровень науки, по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недостижимым образцом»¹. В. И. Ленин называл атеистическую публицистику этого периода бойкой, живой, талантливой. Критика религии, содержащаяся в работах французских атеистов XVIII в., не утратила своей значимости вплоть до наших дней.

Но их деятельность убедительно продемонстрировала также и слабость, недостаточность просветительского подхода к религии. Ведь жестоко раскритикованная в их работах, религия тем не менее продолжала свое существование. В произведениях самих просветителей звучат пессимистические нотки, когда заходит речь о будущем религии. Верившие в наступле-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 514.

ние царства добра и справедливости, просветители, однако, склонялись к мысли, что религия, по-видимому, до конца не искоренима и будет существовать вечно.

Другая тенденция в домарксистском атеизме состояла в том, чтобы свести религию к ее земной основе, показать, что религия — не что иное, как фантастическая копия этой основы. Уже древнегреческий философ Ксенофан из Колофона, живший в VI—V вв. до н. э., подметил, что боги вполне сходны с теми народами, которые им поклоняются. Широкою известность приобрело его рассуждение о том, что если бы могли создавать произведения искусства быки, лошади и львы, то и боги их оказались бы быками, лошадьми, львами. Античные мыслители считали, что от реальных предметов отделяются тонкие «призраки», образы, которые воспринимаются человеком. Если же эти «призраки» сталкиваются в воздухе между собой и соединяются, то это приводит к возникновению религиозных представлений. Впоследствии эта наивная трактовка религиозного отражения постепенно изживается, и в философии нового времени подчеркивается роль фантазии в образовании религиозных представлений. Особенно много сделал для обоснования того положения, что религия является лишь фантастическим отражением реальной действительности, немецкий философ-материалист XIX в. Л. Фейербах.

Попытка свести религию к ее земной основе во многих отношениях оказалась плодотворной. Обнаружилось, что у религиозных персонажей имеются вполне реальные прототипы, что религия является не более как творчеством самого человека, а вовсе не сверхъестественным явлением. Все это было прочным завоеванием домарксистского атеизма.

Однако и метод «сведения» имеет свои слабые стороны. Найти прообраз религии в реальной жизни еще не значит объяснить, почему он получил отражение в религии. Например, французские атеисты установили, что бог христианства создан по образцу восточного деспота, а его окружение копирует восточный двор. Само по себе это положение вполне правильно. Но возникает вопрос, почему именно восточный деспот и его двор воспроизводятся в христианстве, которое по месту его распространения можно считать в первую очередь религией европейской, и почему в самих восточных деспотиях никогда не было христианства. При «сведении» религии к земной основе таких вопросов возникает множество, но ответа на них получить нельзя. По поводу этого метода К. Маркс писал: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единствен-

но научный метод»¹. Этим единственно научным методом философы до Маркса овладеть еще не могли.

Наряду с теорией обмана и сведением религии к ее земной основе в домарксистском материализме предпринимались и другие попытки раскрыть причины существования религии. Высказывались соображения, которые хотя и не были достаточно систематизированы и разработаны, но не прошли бесследно в истории атеизма. Так, Л. Фейербах предположил, что основу религии составляет чувство зависимости человека. Н. Г. Чернышевский сформулировал политико-экономический принцип, по которому все развитие человечества, в том числе и умственное, зависит от обстоятельств экономической жизни; согласно этому принципу религия порождалась, когда «люди чувствовали свою беспомощность против невзгод, чувствовали свое бессилие понять то, что делается вокруг них и над ними самими»².

Хотя домарксистский атеизм доказал — и в этом его большая историческая заслуга,— что причины возникновения и существования религии не сверхъестественные, а земные, и выявил или предугадал некоторые из них, основные причины, а тем более их совокупность раскрыты не были. И не случайно. Материализм ограничивался областью изучения природы, а пока он не распростирались и на исследование общественных явлений, невозможно было раскрыть социальную детерминированность религии. Еще не существовало и диалектико-материалистической теории познания. Поэтому задача исследования религии, выдвинутая домарксистским материализмом, получила свое вполне научное решение лишь в марксизме, который усвоил и использовал все ценное, что было в атеистическом наследии прошлого.

Материалистический подход к религии, несмотря на то что в домарксистской философии он был ограничен и несовершенен, с самого начала противостоял религиозно-теологическому. В религии процесс ее собственного возникновения объясняется за счет богопознания, откровения: люди узнавали мир сверхъестественного путем непосредственного общения с его представителями — духами и богами или постигали его тайны через откровение бога человеку. В наши дни эту «концепцию» проповедует теология христианства, ислама, иудаизма, буддизма и других религий современности.

Крайне близка к теологической трактовке и идеалистическая теория врожденности религиозных идей. Теория эта связана с именем основоположника античного идеализма Платона, который утверждал, что материальный мир — это всего-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 383.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X. М., Гослитиздат, 1951, стр. 450.

навсего копия единственно реально существующего мира идей, что душа, предшествующая телу и первоначально пребывающая в мире идей, вспоминает уже виденное и знакомое ей. Продолжая линию Платона в этом вопросе, французский философ XVII в. Р. Декарт пришел к выводу, что идея существа более совершенного, чем человек, могла быть внушена человеку лишь самим этим существом, т. е. богом.

Миф о врожденности религии был раскритикован и отвергнут как абсолютно несостоятельный еще домарксистским материализмом. Уже тогда против этой концепции был выдвинут целый ряд убедительных аргументов: история человеческого общества знала не одних только верующих, но и атеистов, религиозные взгляды самих верующих различны, разнообразны; у маленьких детей никогда никаких религиозных представлений не бывает, а позже, если они появляются, то происходит это под влиянием родителей, учителей.

Однако несмотря на полное теоретическое банкротство, эта теория не исчезла. Она и ныне преподносится со страниц некоторых изданий в капиталистических странах, авторы которых пытаются убедить читателя, что религия — явление врожденное, неустраима и будет существовать вечно.

Выяснение причин появления и существования религии — одна из важнейших проблем марксистского атеизма. Ей уделено немало внимания в работах основоположников диалектического и исторического материализма.

На раскрытии причин религиозности К. Маркс останавливается уже в одной из своих ранних работ, во введении «К критике гегелевской философии права», написанной в конце 1843 — начале 1844 г. В этой работе было сформулировано фундаментальное положение научного атеизма в том, что религия — превратное мировоззрение, порожденное превратным миром. Маркс показал, что борьба с религией — это в то же время борьба против того мира, который не может обойтись без религии, что покончить с религией можно лишь упразднив порождающую ее превратную действительность.

В другой работе — «Святом семействе», подготовленной в 1844 г. совместно с Ф. Энгельсом, Маркс посвятил специальный раздел раскрытию «тайны спекулятивной конструкции». Здесь он выявил механизм формирования религиозных и идеалистических представлений, показав, что в ходе спекулятивной конструкции от реально существующих предметов сознанием отделяются общие для них свойства, а затем возникшие таким образом представления преподносятся как самостоятельные сущности, которые творят действительность и управляют ею.

Эти аспекты изучения религии получили дальнейшее развитие в более поздних произведениях Маркса и Энгельса.

Основоположники марксизма показали также, что при

изучении религии необходимо учитывать ее историческое прошлое. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс отметил, что религия по традиции сохраняет от прежних времен известный запас представлений, хотя их изменения и определяются экономическими отношениями людей. А в письме К. Шмидту от 27 октября 1890 г. Энгельс говорит о том, что у религии имеется предысторическое содержание, находимое и перенимаемое историческим периодом.

Развивая мысли Маркса и Энгельса, В. И. Ленин в своих работах «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», в «Философских тетрадах» и др. сформулировал и ввел в научный обиход понятия о социальных, гносеологических и исторических корнях религии. Разработка этих категорий существенно обогатила научный атеизм на его ленинском этапе.

Социальные корни религии

Открытие социальных корней религии явилось капитальным завоеванием марксистской атеистической мысли. «Мы должны бороться с религией,— писал В. И. Ленин.— Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс»¹. Как показано в работах Ленина, следует выявить корни религии, и прежде всего те, которые представляют собой социальные причины, порождающие религию и поддерживающие ее.

Для того чтобы религия прекратила свое существование, должны быть устранены ее социальные корни. В произведениях Ленина развитие атеистического мировоззрения рассматривается в тесной связи с другими, более общими проблемами — классовой борьбой пролетариата, практикой социалистического строительства. Подчеркивая необходимость борьбы с религией, Ленин в то же время обращал внимание на то, что ее «нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»². Атеистическая работа, указывал Ленин, является частью общепартийного дела, подчинена задачам борьбы за социальный прогресс.

Это ленинское положение сохраняет все свое значение и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418.

² Там же.

в настоящее время. Успешное преодоление религии предполагает дальнейший прогресс нашего общества, укрепление его социальных связей, вовлечение в систему социалистического производства всех трудящихся независимо от их отношения к религии.

Ленинское понимание социальных корней религии предполагает всесторонний анализ этого явления, учет всех составляющих его компонентов. Социальные корни религии не тождественны, скажем, ее классовым корням. Первая категория шире второй, более универсальна. Классовые и социальные корни религии соотносятся между собой как часть и целое.

Классовый гнет в антагонистическом обществе — одна из главных причин распространенности и живучести религии в народных массах. Классовая борьба, направленная против угнетателей и потрясающая общественные устои, вызывает неуверенность господствующих классов в своем положении, приводит к росту религиозности в их среде.

Эти корни очень важны, но все же это не единственный фактор религиозности. Социальные корни религии имелись уже в первобытном обществе, а классовых корней там не было. Классово-антагонистические противоречия, порождающие религию, отсутствуют при социализме, но социальные корни религии здесь окончательно и полностью еще не ликвидированы.

В работах Ленина социальные корни религии раскрываются как совокупность наиболее глубоких и важных причин, связанных с социально-экономическим строем, порождающих и питающих ее, т. е. делающих возможным ее существование.

В этой совокупности Ленин выделяет экономические корни религиозного тумана. Это важнейшая составная часть ее социальных корней. Как известно, главным условием жизни и развития общества является способ производства, составляющий единство производительных сил и производственных отношений. Способ производства имеет первостепенное значение и для существования в обществе религии.

При низком уровне производительных сил человек еще не имеет возможности подчинить себе природу, напротив, сама природа господствует над ним. Как отмечал Ленин, бессилие первобытного человека в борьбе с природой неизбежно порождает религию. В доклассовом обществе это бессилие человека перед природой, обусловленное чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил общества, и явилось основным социальным корнем религии.

В доклассовом обществе религиозные представления прежде всего олицетворяли природу. Этими представлениями и соответствующими им обрядами была основательно опутана производственная деятельность — охота, рыбная ловля, земледелие и другие стороны жизни первобытного коллектива.

И все-таки человек никогда, в том числе и в эпоху первобытности, не был полностью подавлен силами природы. Эта подавленность никогда не была абсолютной. Поэтому и в сознании человека религиозные представления никогда не господствовали безраздельно. Высказывания французского буржуазного социолога и психолога Л. Леви-Брюля (1857—1939) о том, что «первобытное мышление», свойственное народам, стоящим на низкой ступени исторического развития, по своему содержанию якобы насквозь мистично, не нашло фактического подтверждения и не получило признания в науке. Сам Леви-Брюль в конце жизни вынужден был заняться пересмотром своих взглядов. Имеется масса этнографических свидетельств, идущих вразрез с концепцией Леви-Брюля. Эти свидетельства позволяют сделать вывод, что хотя религиозные представления имели значительный удельный вес в мировоззрении на ранних этапах его развития, все же и рациональным идеям принадлежало в нем немало места. Вот что сообщает, например, немецкий этнограф Г. Дамм, известный специалист по культуре Австралии: «...Австралийцам-аборигенам известно многое, чего не знаем мы. Благодаря своей наблюдательности они прекрасные естествоиспытатели. Они знают окружающую их природу гораздо лучше, чем житель современного большого города знает свой район... В течение жизни многих поколений австралийцы изучили флору и фауну своей страны лучше, чем это могли сделать европейские ученые»¹.

Интересно отметить, что, по данным этнографии, религия процветает там, где производственная техника слаба, где многое зависит от воли случая и нет прочной уверенности в успехе. Если же производственный процесс эффективен, религия отстывает и побеждают вполне рациональные взгляды и приемы. Так, в Меланезии религиозные обряды используются при возделывании ямса и таро, но отсутствуют при культивировании кокосового ореха, бананов, манго, хлебного дерева. Они практикуются при опасной ловле акул и не применяются, когда рыба ловится с помощью отравления. Не обходится без религии производство каноэ, само по себе технически трудное и к тому же связанное с опасным промыслом. А постройка домов обходится и т. д. Это общая тенденция всей истории религии: там, где слабеют ее социальные корни, сдает позиция и сама религия.

Правда, бессилие человека перед природой преодолевалось медленно. Это бессилие весьма ощутимо не только в доклассовом, но и в классовом обществе. Сельскохозяйственное производство и здесь очень во многом зависит от природных

---

¹ Г. Дамм. Канака — люди южных морей. М., «Наука», 1964, стр. 27, 42.

условий. Процветает культ покровителей сельского хозяйства. В православии патронат над сельским хозяйством и его отраслями осуществляют многочисленные святые: Николай-угодник, Илья-пророк, св. Власий, Борис и Глеб, Флор и Лавр, Зосима и Савватий и т. д. Даже в советской деревне двадцатых-тридцатых годов этот культ имел довольно широкое распространение. В настоящее время, как свидетельствуют данные конкретно-социологических исследований, от этого культа почти ничего не осталось. Это — результат бурного роста производительных сил в сельском хозяйстве за годы Советской власти, а также и успехов научно-атеистической пропаганды.

Уже в доклассовом обществе человек столкнулся не только с силами природы, но и с некоторыми явлениями общественной жизни как с чем-то чуждым и враждебным. Само обожествление природы или определенное отношение к ней, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, обуславливается формой общества и наоборот. «Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе...»¹. Взаимоотношения человека с природой переплетались с общественными отношениями, преломлялись через них.

Отношения, которые господствовали в жизни первобытных коллективов, опирались на низкий уровень производства, испытывали мощное давление природы. Необходимость борьбы с природой, перед которой отдельный человек выглядел совершенно беспомощным, сплавивала коллективы. Из-за неразвитости производства, которое могло дать лишь самое необходимое для жизни, отношения между людьми еще не знали эксплуатации. Но производство, как и вся общественная жизнь вообще, осуществлялось в тесных рамках первобытных отношений, несло на себе печать их ограниченности и несовершенства.

На человека давила общая система запретов и обычаев, подвергавшая его жизнь самой строгой и всесторонней регламентации, требовавшая от него безусловного и безропотного подчинения.

Поэтому в социально-психологическом отношении человек эпохи доклассового общества был весьма несвободен. «Там, в глубинах первобытнообщинного строя, человек в известном смысле был еще более поработан, чем при рабовладельческом строе. Независимым и свободолюбивым он был только

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии».) М., Политиздат, 1966, стр. 40.

по отношению к внешним врагам. Внутри племени и рода действовали подчинение и подражание и не действовали непокорность и неповиновение»¹. Во всяком случае если эти нормы и существовали, то лишь как исключения из правила: они всемерно подавлялись.

Вместе с расколом общества на враждебные, антагонистические классы появляется бессилие эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами, которое, подчеркивал Ленин, так же неизбежно порождает религию, как и бессилие первобытного человека в его борьбе с природой. Экономические корни религии, т. е. корни, уходящие в способ производства, стали еще прочней.

Со способом производства, а в классово антагонистическом обществе и с классовой структурой, связаны и другие явления, питающие религию.

Уже в первобытном обществе существовали общественные коллизии — вооруженные столкновения между племенами, отдельными человеческими коллективами, группами, которые представляли собой социальный фактор религиозности. Они не являлись следствием прирожденной воинственности человека, как уверяют некоторые буржуазные социологи. Эти столкновения были результатом слабого развития производства и велись из-за территорий, охотничьих участков и т. д.

Уже тогда эти военные столкновения приносили человечеству немало страданий. Во время некоторых из них уничтожались целые племена. Еще более частыми были военные столкновения местного значения, которые хотя и происходили между немногочисленными группами людей, но зато нередко затягивались надолго.

Эти столкновения подвергали постоянной опасности жизнь человека и его имущество. О том, что влияние их на религиозность человека было немалым, свидетельствует существование особого вида магии — военной, призванной обеспечить победу над врагом. К тому же военные столкновения разъединяли силы людей в борьбе с природой, тем самым усиливали гнет природы над человеком, а вместе с ним и религиозность.

В классово антагонистическом обществе война, приобретающая огромную разрушительную силу, становится постоянным спутником человечества и одним из самых страшных бедствий. «Война,— писал В. И. Ленин,— не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики... Каковы главные потоки этих бурных чувств?.. Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии»².

---

¹ Б. Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., «Наука», 1966, стр. 197.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 290—291.

Невысокое экономическое развитие общества неизбежно сопровождается низким материальным уровнем жизни, недостатком позитивных знаний, невежеством в отношении многих явлений окружающего мира. Эти явления, свойственные первобытности, способствовали становлению и распространению религиозных воззрений. Хорошо знакомы они и классово антагонистическому обществу, пришедшему на смену первобытному, с его нищетой народных масс, ограничением роста культуры в среде трудящихся.

Марксизм не отрицает, что невежеству принадлежит значительная роль в возникновении и распространении религии. Он возражает лишь против абсолютизации этой роли. Наряду с невежеством существуют и другие, более глубокие факторы религиозности — экономические, классовые, следствием которых является и само невежество.

Как в первобытном, так и в классово антагонистическом обществе общественно-исторический процесс совершается в основном стихийно. Люди, участвующие в этом процессе, не могут поставить под эффективный контроль стихийные силы природы. В борьбе с природой многое оказывается непредусмотренным и непредотвратимым, результат не совпадает с поставленными целями. Подобно этому люди до поры до времени не способны обуздать и стихию общественного развития, вызывающую к жизни эксплуатацию, обогащение одних и разорение других, возвышения и падения государств и многое другое. Характеризуя социальные корни религии в капиталистическом обществе, В. И. Ленин обращает особое внимание на стихию повседневной жизни, на слепую силу капитала, «которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть,— вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса»¹.

В классово антагонистическом обществе трудящаяся масса населения испытывает на себе также идеологическое давление. Идеология господствующих классов во всех формах ее проявления — политика, право, мораль — призвана укреплять эксплуататорский строй, держать в повиновении трудящихся. В соответствии с разнообразными формами идеологии строятся определенные общественные отношения, при своем формировании проходящие предварительно через сознание вступающих в них людей. В этом отличие идеологических отношений от материальных — производственных, классовых.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

В обществе, содержащем классовые антагонизмы, всегда господствуют идеи того класса, который занимает привилегированное положение в экономике и общественной жизни. В этих условиях различные формы идеологии, отстаивающие существующий порядок вещей, подавляющие и затемняющие сознание народа, а также и связанные с ними идеологические отношения, способствуют распространению религиозности в массах. Это — идеологические корни религии.

Различные формы идеологии по-разному расположены относительно общественного бытия, т. е. осваивают это бытие в определенной последовательности. Политическая и правовая идеология, непосредственно вырастая из общественного бытия, оказывает воздействие на формирование морали. Что касается религиозной идеологии, то она — наряду с философией — составляет как бы верхний этаж идеологии, отражая общественное бытие не только прямо, но и опосредованно. «Идеологии еще более высокого порядка, — писал Ф. Энгельс, — то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями»¹. Следствием этого опосредования является то, что религия проникается нормами, свойствами другими формам идеологии, а религиозные отношения переплетаются с иными идеологическими отношениями. Здесь также обнаруживаются идеологические корни религии.

Если идеология представляет собой относительно стройную систему взглядов, то в другой составной части общественного сознания — массовом сознании, общественной психологии — эта система более расплывчата, разношерстна, тесно связана с настроениями и чувствами. Общественная психология постоянно соприкасается с идеологией, оказывает влияние на идеологические отношения. Воздействие на религиозность совокупности элементов общественной психологии можно рассматривать как психологические корни религии.

Религиозные представления разрабатываются, систематизируются и активно внедряются в массы институтом служителей культа, религиозными организациями. Роль этого субъективного фактора в укреплении религиозности весьма значительна. Однако представить дело так, будто профессионалы культа являются создателями религии или хотя бы ее отдельных форм, что они творят и изменяют ее по своему произволу, а именно так думали некоторые материалисты прошлого, — значит отдать дань субъективизму. В действительности соотношение религии и ее профессиональных служителей является иным.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 312.

На ранних стадиях развития религии вообще не было таких служителей, и к религиозному культу была непосредственно причастна сама первобытная община. И на позднейших стадиях религии, сменивших первобытную, новые формы религии возникают не под воздействием служителей культа. На том раннем этапе политеизма (многобожия), который был обнаружен, например, у некоторых народов Крайнего Севера — хантов, манси, ненцев, эвенков и др., еще полностью отсутствовала какая бы то ни было жреческая корпорация, соответствующая политеизму в его зрелом виде.

Христианство и другие религии позднейшего происхождения, которые по степени своей распространенности получили наименование мировых, также не были производными от церковной организации. Христианская религия начала складываться раньше, чем христианская церковь, и раннехристианские общины еще не имели не только института священства, но даже и постоянных должностных лиц, постоянного аппарата управления. Не были вызваны к жизни религиозными организациями и другие мировые религии. Более того, при своем возникновении мировые религии столкнулись с противодействием жречества, которое было тесно связано с иными, ранее сложившимися культурами и враждебно относилось ко всем прочим.

Формирующийся институт служителей культа отражает потребность религиозного развития, испытывает воздействие религиозных верований, отношений. Учитывая активную роль профессионалов религиозного культа, необходимо отчетливо различать глубокие социальные корни, которые имеются у религии, их решающее воздействие на религиозность.

И в процессе преодоления религии успех дела решает устранение объективных факторов, поддерживающих религию, а также эффективная атеистическая пропаганда, направленная против основ религиозного мирозерцания, а не перенесение центра тяжести на борьбу с институтом служителей культа и тем более не меры администрирования.

Содержание религии находится в соответствии с ее социальными корнями.

В первобытном обществе, где уже есть социальные корни религии, но отсутствует классовая дифференциация, сверхъестественные существа, духи почти не индивидуализированы. Духи различаются лишь по принадлежности к тем или иным объектам действительности (духи водоемов, вулканов и т. д.). Однако уже в раннеклассовом обществе вместе с сопутствующим ему социальным расслоением расслаивается и сверхъестественный мир: из общей массы духов выделяется высший, привилегированный слой сверхъестественных существ — боги. В обстановке своего господства в общественной жизни религия приобретает монотеистическую форму.

Если в эпоху первобытнообщинного строя религия, явившаяся прежде всего следствием бессилия человека в его борьбе с природой, и олицетворяла в первую очередь природную среду, то в классово антагонистическом обществе на первый план выдвигается олицетворение общественных сил.

Возьмем религиозное представление с загробном существовании. В доклассовом обществе это существование мыслится как прямое продолжение земной жизни. Души умерших охотятся, занимаются рыболовством, разводят скот и т. д.—делают то, что было привычно для них на Земле. Они имеют семьи, поддерживают традиционные общественные отношения. Даже болезни и невзгоды земной жизни переносятся в мир иной. Вот что рассказывал В. К. Арсеньеву его многолетний спутник нанаяц Дерсу Узала, «первобытный охотник», как представляет его читателю сам путешественник. Речь шла о потустороннем мире, который Дерсу случалось видеть во сне: «...Он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дрова и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом»¹. В соответствии с представлением о потустороннем существовании, как продолжении земного, организовывались захоронения. Человек значительную часть создававшихся с большим трудом орудий, предметов быта и т. д. исключал из своей жизни, устраивая кладбища вещей. На Крайнем Севере нашей страны среди коренного населения — ненцев, хантов, манси, эвенков и др., религиозные верования которых сложились в далеком прошлом, до сих пор сохраняются подобные представления. На могилах можно встретить оленье черепа, посуду, одежду, лодки, нарты и т. д. Процесс отмирания этих по своей природе первобытных представлений начался лишь после Октябрьской революции.

В религиях, связанных с классово антагонистическим обществом, постепенно развивается учение об аде и рае, о загробном блаженстве в награду за терпение и смирение на земле и о возмездии в наказание за покушение на существующие порядки. Социальная направленность этого учения не нуждается в разъяснениях.

Социальные корни религии не были поняты буржуазной наукой XIX—XX столетий, т. е. тогда, когда они успешно изучались марксистским атеизмом. Поэтому даже крупнейшие представители буржуазного религиоведения не смогли научно ответить на вопрос — почему возникла и держится в обществе религия.

---

¹ В. К. Арсеньев. Дерсу Узала. М., Географгиз, 1960, стр. 29.

Английский этнограф Э. Тайлор (1832—1917) считал, что религия возникла из-за неправильной трактовки, которую давали «мыслящие люди» первобытного общества некоторым явлениям — жизни и смерти, болезни и экстазу, бодрствованию и сну. Подобный подход к данной проблеме свойствен многим другим буржуазным ученым. Не учитывая социальные факторы, они сводят процесс возникновения религии к поискам ответа на интересовавшие человека вопросы, к любопытности, т. е. к идеальным побуждениям. Например, американский антрополог, этнограф, лингвист Ф. Боас (1858—1942) в следующих словах сформулировал свою точку зрения: «Человек рано начал размышлять об явлениях природы... Наблюдения над проявлениями деятельности собственного тела человека и его ума вызвали образование идеи души, независимой от тела; и, по мере возрастания знаний и роста философской мысли, из этих простых начатков развились религия и наука»¹. Из поля зрения исследователей этого направления полностью выпала социальная действительность, которая в конечном счете и порождает религию.

Австрийский психопатолог З. Фрейд (1856—1939), разработавший свое учение о психоанализе первоначально для клиники, впоследствии распространил его и на изучение различных явлений общественной жизни, в том числе и религии. По его мнению, религия — следствие невроза, так называемого «эдипова комплекса». В работах Фрейда и его последователей, пытавшихся «биологизировать» религию, игнорирование общественных отношений достигло своего крайнего проявления.

В конце концов недостаточность объяснения религиозности свойствами одного лишь духовного мира человека была осознана и самим буржуазным религиоведением. Стали предприниматься попытки преодолеть этот недостаток с помощью изучения социальной жизни. Однако буржуазная социология религии оказалась не в состоянии разрешить эту проблему.

Известный французский социолог Э. Дюркгейм (1858—1917) установил, что религия — социальное явление. Но отсюда он сделал неправильный вывод, что религия представляет собой неотъемлемую часть общества и поэтому всегда будет жить вместе с ним, принимая различные формы. Подходя к обществу главным образом со стороны общественного сознания, он не сумел вскрыть противоречивость общественного бытия, порождающего религию и вместе с тем придающего ей преходящий характер.

Основоположники немецкой школы социологии религии М. Вебер (1864—1920), Э. Трельч (1865—1923), их последо-

---

¹ Ф. Боас. Ум первобытного человека. М.—Л., Госиздат, 1926, стр. 100—101.

ватели И. Вах, Г. Меншинг и другие, отмечая влияние социальных факторов на религию, одновременно заявляли, что воздействие религии на общественную жизнь гораздо существеннее. К тому же они считали, что социальные условия могут лишь трансформировать, изменять религию, но не породить, не формировать ее. При этом признается или фактически подразумевается, что у религии имеется некая трансцендентная, не поддающаяся познанию сущность. Буржуазному религиоведению не чужды и более откровенные фидеистические искания. Одна из новейших религиозно-идеалистических теорий — энтелехическая концепция, разрабатываемая и пропагандируемая К. Бликером, признает религию возникшей самопроизвольно, независимо от человека и общества.

Все это свидетельствует о том, что раскрыть социальные корни религии с методологических позиций, чуждых марксизму, невозможно.

* * *

Коммунизм — единственная формация, где социальные корни религии сначала оказываются подрванными, а затем и вовсе уничтожаются; вследствие этого отмирает и сама религия.

Уже на низшей его фазе — социалистической — ликвидируются эксплуатация человека человеком и классовый гнет, т. е. самые глубокие социальные корни религии. Непрерывное развитие производства, бурный прогресс науки и техники, ускоренными темпами растущее господство человека над природой также обеспечивают постепенное отмирание религии. В социалистическом обществе отсутствуют классы, которые были бы заинтересованы в ее сохранении.

Однако при социализме часть населения находится под влиянием религии. Это объясняется тем, что социалистическое общество непосредственно выходит из недр капиталистического.

Социализм получает в наследство от прошлого определенный уровень экономики (в ряде случаев весьма низкий), соответствующий ему культурный и материальный уровень жизни трудящихся, а также привычки и традиции. Как говорил К. Маркс, социализм сохраняет родимые пятна старого общества.

Кроме того, на существование религии в социалистическом обществе оказывает влияние мировая капиталистическая система. И не только идеологическое. Противоречия между социализмом и капитализмом представляют собой специфическую форму классовую борьбу, перипетии которой неизбежно сказываются и на религиозности в социалистическом обществе. На оживление религии в нашей стране существенно повлияла, например, война 1941—1945 гг. Не только вой-

на, но и угроза войны отражается на религиозности. Вместе с общим ослаблением капиталистической системы, отпадением от нее отдельных стран, укреплением мировой системы социализма, развитием рабочего и национально-освободительного движения постепенно ликвидируется и этот источник религиозности.

Религия будет постепенно преодолеваться в процессе дальнейшего всестороннего движения общества по пути социализма и коммунизма, по мере роста материального благосостояния и культуры народа и развертывания научно-атеистической пропаганды.

Гносеологические корни религии

Наряду с социальными у религии имеются также и гносеологические (познавательные) корни (от греч. *gnosis* — знание). Вопрос о гносеологических корнях религии является вопросом о том, как под влиянием определенных социальных факторов (социальных корней) совершается процесс ее формирования в сознании человека. Этому аспекту становления религии В. И. Ленин уделил немало внимания в своих «Философских тетрадах». В. И. Ленин подчеркивал, что у поповщины, под которой он подразумевал философский идеализм и религию, «конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всеильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»¹.

Одной из важнейших способностей человеческого мышления является способность абстрагирования (отвлечения). Процесс познания происходит путем отделения одних предметов и явлений, некоторых сторон действительности от других, выделения их из общей системы взаимосвязей. Без мысленного расчленения объективной реальности невозможно ее освоение. Процесс познания совершается также при помощи отвлечения от отдельных предметов, явлений, сторон действительности, свойственного им существенного и общего. Только делая акцент на общем и существенном, можно установить закономерности, свойственные объективному миру.

Однако абстрагирование может повлечь за собой и отлет мысли от действительности. Подавляющие человека социальные условия вызывают своего рода дисгармонию абстрагирующей деятельности, превращают ее в источник иллюзий, в том числе и религиозных. Идеальная сторона действительности может быть оторвана от материальной и представлена

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

независимой от нее, предшествующей ей и творящей ее. Продукты сознания превращаются в якобы ни от чего не зависящие самостоятельные сущности. В этом случае абстрагирование становится гносеологическим корнем религии.

Уже в первобытных религиях представление о том или ином предмете, существе отделялось от этого предмета, существа и фигурировало как его душа, дух. Душа человека, как одно из проявлений всеобщего одушевления, представляла собой абсолютизированное представление о данном человеке. На ранних этапах развития религии душой наделялся не только человек, но и все окружающие его объекты: животные, растения, неживая природа, предметы, созданные самим человеком. Впоследствии, в связи с тем что человек начал все более выделять себя из природы, а также вместе с ростом антропоцентризма, согласно которому человек является центром мироздания, постепенно изживались взгляды об одушевленности окружающего. Но идея о том, что человек имеет душу, еще прочней утвердилась в религиозном сознании. Причем в современных религиях гносеологические корни воззрений на душу по существу остались прежними: и здесь душа человека — это представление о нем самом, получившее фантастическую, сверхъестественную окраску.

Представление о том или ином человеке всегда тесно связано с его именем. Имя также может отделяться от человека и выступать по отношению к нему как нечто самостоятельное. До сих пор у некоторых народов земного шара, отставших в историческом развитии или по крайней мере сохраняющих пережитки былой отсталости, имена людей считаются самостоятельными существами. Для того чтобы имена умерших не причиняли беспокойства живым, а также и самим умершим, их нужно присваивать новорожденным. Известен обычай, когда подлинное имя человека сообщают лишь близким родственникам и скрывают его от остальных, чтобы избежать магического воздействия. Процесс превращения имен в сверхъестественные существа — частный случай образования религиозных иллюзий.

Абсолютизация продуктов сознания является одним из гносеологических корней также и позднейших религиозных систем. Когда зарождалось классовое общество и вместе с ним политеистические религии древности, такие абстрактные понятия, как война, мир, плодородие и т. д., трансформировались в богов этих религий. У некоторых народов существуют одни и те же слова для обозначения бога и олицетворяемого им реального объекта (например, толь — море и бог моря у нивхов, нум — небо и бог неба у ненцев и т. д.). И бог монотеизма — продукт абстрагирования действительности, хотя и представляется как ее всемогущий творец. Оценивая «первобытный идеализм» с его взглядом на общее как отдельное су-

щество, В. И. Ленин писал: «Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым»¹. В. И. Ленин показал, что тем не менее и все последующие формы религии и философского идеализма в этом отношении, по существу, не отличаются от своей исходной формы. «Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, *λογος*, бог»².

Абсолютизация продуктов сознания приводит к раздвоению мира. Наряду с действительно существующим, реальным миром признается еще и мир сверхъестественного, который хотя в действительности не существует, представляется сознанию вполне реальным, более того, определяющим собой все окружающее бытие человека. В этом состоит большое сходство религии с философским идеализмом, а именно с таким проявлением, как объективный идеализм.

В религии, так же как и в философии, дается решение основного гносеологического вопроса, причем здесь оно является идеалистическим, т. е. признающим примат идеального перед материальным. Процесс абсолютизации продуктов сознания совершается стихийно и непроизвольно. В результате человек сталкивается с продуктами собственного сознания как с чем-то данным, реально существующим и ему неподвластным. Этот же человек по отношению ко многим другим явлениям действительности проявляет себя стихийным материалистом. Естественно, что в обоих случаях для него совсем не нужен какой бы то ни было специфически философский подход к окружающему.

Э. Тайлор глубоко заблуждался, считая, что религия была создана «дикарями-философами». Сознательное творчество в религии начинается лишь тогда, когда процесс абстрагирования уже принес свои религиозные плоды и человек осознает и конкретизирует их.

Таким же является соотношение стихийного и сознательного и на позднейших этапах истории религии. Новое в религиозном сознании появляется стихийно, и лишь впоследствии по отношению к нему начинает обнаруживаться сознательный подход. Поэтому сводить историю религии к сознательной деятельности ее идеологов — значит не принимать во внимание стихийную сторону религиозного развития.

В любой религии — и в этом ее существенное отличие от философского идеализма — продукты абстрагирования выступают прежде всего в образной форме. Можно сказать поэтому, что религия — это идеализм, имеющий образную форму.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 329.

² Там же, стр. 329—330.

Философскому идеализму свойственны учения об абсолютной идее, понятиях, независимых от материального субстрата, и т. д. В религии продукты сознания, оторванные от материального и противопоставленные ему, обладают конкретностью, образностью: это — души, духи, боги.

Помимо образов, в религии имеются и религиозные понятия, догматы. Их роль в истории религии постепенно возрастает. Если в первобытных религиях абсолютно превалирует образная сторона, то высшие религии располагают уже развитой догматикой, сложившимися богословскими системами. Однако образная форма — все же неотъемлемое свойство всякой религии. Это качество делает ее доступной самым широким слоям народных масс, позволяет ей выполнять функцию опиума народа. И здесь опять-таки обнаруживается ее сходство с идеализмом философским, который всегда является уделом «избранных» и недоступен массам.

Различие между философским идеализмом и религией состоит также и в том, что последняя сильнее связана с эмоциями.

Без эмоциональных переживаний не обходятся ни практика человека, ни его познавательная деятельность. Эмоции позволяют осуществлять длительные и сложные поиски правильных решений и добиваться их осуществления. Вместе с тем эмоциональная сфера при некоторых условиях может дать и прямо противоположные результаты. Как отметил Ч. Дарвин, страдания, к которым он относил, в частности, и чувство страха, «если они продолжают долго, вызывают подавленность и понижают способность к деятельности, хотя они отлично служат для того, чтобы побудить живое существо оберегаться от какого-либо большого или внезапного зла. С другой стороны, приятные ощущения могут долго продолжаться, не оказывая никакого подавляющего действия; напротив, они вызывают повышенную деятельность всей системы»¹.

Связь чувства страха с религией установили уже атеисты прошлого. Демокрит писал о том, что люди, наблюдавшие грозные явления природы, приходили в ужас и полагали, что виновники этого — боги. По мнению Т. Гоббса, религия создается под влиянием постоянного страха, всегда сопровождающего человеческий род. Б. Спиноза показал, что люди обращаются к религии под влиянием чувства страха за свою судьбу, так как они не всегда могут поступать по определенному плану, часто их намерения кончаются неудачей и они попадают в затруднительное положение. Писали о страхе, как источнике религии, и другие атеисты.

То, что наметил атеизм прошлого, получило дальнейшее

---

¹ Ч. Дарвин. Соч., т. 9. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1959, стр. 206—207.

развитие в марксистском атеизме. Было выявлено, что страх, порождающий религию, в свою очередь, тесно связан с неуверенностью, которую испытывает человек в общественной жизни, с социальной подавленностью. Поэтому В. И. Ленин, приводя известное изречение: «Страх создал богов» и раскрывая его значение для капиталистического общества, добавляет: «Страх перед слепой силой капитала...»¹.

Этот социально обусловленный страх, основательно искажающий и деформирующий процесс познания, представляет собой одну из важных предпосылок возникновения и существования религии.

То, что процесс формирования религиозности всегда эмоционально окрашен, доказывают многочисленные этнографические свидетельства, полученные при изучении различных народов мира. «Мы боимся!.. — говорил один из эскимосов датскому исследователю К. Расмуссену. — Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания. Поэтому мы держимся своих обычаев и соблюдаем наши табу»². Немецкий этнограф Г. Веддер писал о религиозности одного из африканских народов: «Если мы спросим, что было жизненным нервом их религиозности, то получим простой ответ: страх, ничего, кроме страха!»³. Этот ответ с полным основанием можно распространить на всю религию.

Влияние эмоциональной сферы на религиозное сознание и процесс его воспроизводства в настоящее время обстоятельно изучается и такой научной дисциплиной, как психология религии. При этом используются данные статистики и метод анкетирования, что позволяет конкретизировать роль страха при обращении человека к религии.

Материалы конкретно-социологических исследований показывают, что страх представляет собой один из основных мотивов религиозности. Эти показатели столь убедительны, что их не может игнорировать и буржуазная психология религии. Например, американский психолог Э. Д. Старбек (1866—1947), подводя итоги своего десятилетнего исследования, пришел к выводу, что чувство страха оказывает в 15 раз более сильное воздействие на религиозность, чем так называемые бескорыстные побуждения. Среди мотивов бескорыстных побуждений, составляющих всего 5%, на любовь к богу приходится только 2%⁴.

Эти и другие данные свидетельствуют о том, что положи-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

² К. Расмуссен. Великий санный путь. М., Географгиз, 1958, стр. 82—83.

³ Н. Vedder. Die Bergdama, Teil I. Hamburg, 1923, S. 176.

⁴ См. И. Н. Букина. Возникновение и развитие буржуазной психологии религии. В сб.: «Вопросы научного атеизма». Вып. 5. М., «Мысль», 1966, стр. 258.

тельные эмоции, такие, как любовь, радость, влияют на религиозность сравнительно слабо. К тому же и это влияние они оказывают в значительной мере в связи с чувством страха, как своего рода его антиподы, когда человек бывает удовлетворен тем, что воздействие устрашающих его внешних сил оказывается благоприятным для него.

Давая определение религии, Ф. Энгельс подчеркивал ее фантастичность. «Но ведь всякая религия,— писал он,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹.

Вообще говоря, воображение является неотъемлемым свойством человеческого мышления, одним из его специфических элементов. Оно позволяет предвосхищать отдаленные последствия практической деятельности, а без этого было бы невозможно изменять действительность.

Лишь в обстановке подавленности человека противостоящей ему действительностью воображение становится одним из гносеологических корней религии. При помощи воображения окружающий мир приобретает фантастические очертания, складываются представления о сверхъестественных существах. Мышление и результаты его деятельности отрываются от своей материальной основы и превращаются в нечто самостоятельное.

Вместе с овладением закономерностями природы и общества и практическим их использованием сужается и постепенно исчезает сфера фантастического искажения действительности.

На искажение объективной реальности влияет и метафизический способ мышления, берущий предметы и явления как обособленные и неподвижные, игнорирующий внутренний источник процесса развития.

В определенной социальной обстановке этот способ мышления становится гносеологическим корнем религии. Разрывающий объективно существующие связи между различными явлениями и сторонами действительности, изолирующий их друг от друга, метафизический подход делает возможным представление идеального в качестве самостоятельной сущности. Отклонения процесса абстрагирования в сторону религии происходят не без влияния метафизики. Метафизичность подхода к миру, как косному и не способному к самодвижению, дополняется представлением о сверхъестественных существах, сообщающих известную подвижность этому миру.

Метафизичность мышления приводит к неправильному взгляду на соотношение относительного и абсолютного. Ме-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 328.

тафизический подход, отрывающий абсолютное от относительного, может породить такую искаженную трактовку абсолютного, которая в определенных исторических условиях приводит в конечном счете к религии. При этом те или иные представления, понятия, взгляды рассматриваются как абсолютные, безусловные и обязательные для всех исторических эпох и периодов. В действительности же положения религии вообще не представляют собой объективных истин, так как изображают мир в превратном виде. Свойственный религии догматизм гносеологически следует из того неправильного понимания соотношения относительного и абсолютного, которое выражается в преувеличении до абсурда значения абсолютно в процессе познания.

Раскрывая роль метафизичности в религиозном освоении мира, В. И. Ленин писал: «Познание человека не есть (respectively¹ не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов)»².

Для метафизичности, ведущей к религии, совсем не обязательно философская осознанность. В массовом религиозном сознании она всегда проявляется стихийно. Религиозный человек так же не подозревает о своей метафизичности, как мольтеровский герой не догадывается о том, что он говорит прозой. Это совсем не мешает метафизике прокладывать пути к религиозным представлениям.

Гносеологические корни религии не существуют независимо от социальных: только при известных условиях, под влиянием определенных социальных факторов сознание выступает иногда как источник религии. Если же этих условий и факторов нет, то сознание не продуцирует религию. Но и сама по себе социальная действительность еще не производит религии: для этого она должна пройти через сознание подавленных ею людей. Поэтому те и другие корни не существуют независимо друг от друга, они всегда составляют определенное единство, как бы переплетаются между собой.

В коммунистическом обществе ликвидация социальных корней религии с неизбежностью влечет за собой в конечном счете исчезновение и ее гносеологических корней. Конечно, остается возможность отдельных ошибок в процессе познания, но они уже не будут перерастать в систему извращенного мировоззрения — религию.

---

¹ — соответственно.— Ред.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

Исторические корни религии

Каждая историческая форма религии определяется в первую очередь факторами данной, современной для нее эпохи, т. е. социальными и гносеологическими корнями. Однако для того чтобы полностью раскрыть содержание той или иной конкретной религии и место, которое принадлежит ей в общественной жизни, недостаточно одних лишь современных факторов. Нужно выявить еще ее зависимость от прошлого. Религия аккумулирует не только воздействие современности, но и других, нередко давно прошедших, времен. Обусловленность религии историческим прошлым — это и есть ее исторические корни.

История религии обнаруживает несомненную последовательность, преемственность, подчиняется определенной внутренней логике. Ее новые формы возникают на основе уже существовавших ранее.

Подлинная история религии имеет мало общего со своей теологической интерпретацией. Теология, отрицающая применимость к религии принципа историзма, пытается доказать, что исходным пунктом для нее послужил монотеизм. Эта теологическая трактовка опирается на библейскую легенду, по которой бог непосредственно открылся сотворенным им первым людям. Все другие проявления религии, согласно этой версии, появились позже, после конфликта бога с человеком. Они — результат деградации, вырождения, утраты первоначальной истинности и чистоты.

С конца XIX в. свои базирующиеся на Библии монотеистические установки теология стремится по возможности подкрепить этнографическим материалом. И здесь она находит поддержку со стороны некоторых реакционно настроенных ученых.

Так, английский фольклорист Э. Лэнг в своей работе «Создание религии», впервые изданной в 1893 г., опираясь на некоторые миссионерские данные, попытался представить первоначальную стадию религии как монотеизм, т. е. согласовать этнографию с Библией. Взгляды Лэнга были подхвачены и развиты этнографами клерикального направления. Наибольшую популярность в клерикальных кругах завоевал многолетний труд католического патера В. Шмидта «Происхождение идеи бога», в котором подобран обширный этнографический материал, призванный доказать, что монотеизм универсален и является древнейшим проявлением религиозности. Постепенно сложилась целая религиоведческая школа, получившая наименование прамонотеистической.

Научная проверка этнографических данных, которыми подкрепляла свою позицию эта школа, выявила, однако, их полную несостоятельность. Обнаружились не только произ-

вольные толкования фактов, но и прямые фальсификации. Весь материал был подобран тенденциозно и препарирован в теологическом духе. Объективное рассмотрение источников и фактического материала окончательно подтвердило уже давно существующее в науке мнение, что религия развивалась от простого к сложному.

Что касается монотеизма, то он является позднейшим этапом истории религии. Стадией религиозного развития, которая непосредственно предшествовала монотеизму и подготовила его, был политеизм. Можно сказать, что без политеизма не было бы и монотеизма. Исторические корни монотеизма уходят в политеизм.

Исследование древнееврейской религии позволило проследить процесс постепенного превращения политеистических представлений в монотеистические. На протяжении длительного отрезка времени в религиозном сознании древнееврейского народа культивировался политеизм и наряду с Яхве, который был верховным богом пантеона, признавался целый ряд других богов. Их культ вытеснялся культом Яхве медленно и постепенно. Это вытеснение осуществлялось путем переноса на Яхве тех функций, которые прежде приписывались другим богам. «Сфера влияния» Яхве последовательно расширяется: он становится и защитником на войне, и подателем урожая, и покровителем ремесла, торговли. Другие боги, являвшиеся прежде самостоятельными властителями, все более превращаются в простых слугителей Яхве — ангелов, патриархов, пророков, богатырей.

Монотеистические тенденции подкреплялись рядом неблагоприятных для древнееврейского народа исторических обстоятельств, вызвавших засилье религии в общественной жизни, теократию. Эти нараставшие стихийно тенденции закреплялись «сверху»: к VII в. до н. э. относится религиозная реформация, отменявшая все культы, кроме культа Яхве, и провозглашавшая единобожие.

Монотеизм, свойственный древнееврейской религии, был национальным монотеизмом (генотеизмом). Он не отвергал и даже не ставил под сомнение богов, которые признавались в религиях других народов. Тем самым национальный монотеизм, выраставший из политеизма, не порывал до конца с системой многобожия.

Дальнейшие изменения монотеистических представлений происходят в начале нашей эры. В трудах философа-идеалиста Филона Александрийского было философски обосновано стихийно вызревавшее в недрах религиозного сознания представление о том, что бог является попечителем не одного лишь еврейского народа, а всего человечества. Национальный монотеизм перерастает в универсальный, и последний получает все более широкое распространение. Он становится не-

отъемлемой принадлежностью таких религий, как иудаизм, христианство, ислам. Согласно представлениям каждой из этих религий признаваемый ими бог — единственно реально существующий, истинный, все другие — ложные, порожденные фантазией, заблуждением, вымыслом.

Таким образом, монотеизм является результатом длительного и сложного религиозного развития, причем его конечной стадией, а не начальной, как утверждает теология. Эти религиозные представления, формирующиеся в определенной социальной обстановке, имеют в то же время и исторические корни.

В данном случае происходит ассимиляция старых религиозных идей новыми. Подобным образом зависят от исторического прошлого и многие другие элементы религии.

Исторические корни религии уходят не только в ранее существовавшие ее стадии, но и в некоторые иллюзорные представления, не являющиеся религиозными. Подобный процесс наблюдался при возникновении религии, которая уже тогда имела не только социальные и гносеологические корни, но и исторических предшественников. Еще в безрелигиозном периоде сложилась определенная совокупность представлений, послуживших отправным пунктом при формировании религии. Так что религия и при зарождении использовала запас имевшихся уже ошибок, заблуждений и предрассудков.

Этим историческим предшественником религии был аниматизм, сущность которого состоит в том, что все предметы, окружающие человека, рассматривались им как живые и подобные ему самому. Можно сказать, что аниматизм — это всеобщее «оживотворение» действительности.

Аниматистские представления были отмечены некоторыми путешественниками и завоевателями еще во времена великих географических открытий. Ими интересовались атеисты прошлого, хотя и не выявили их значимость для становления религии. Н. Г. Чернышевский со свойственной ему образностью изложения следующим образом передал суть этих воззрений: «Простому человеку надобно, чтобы везде и все было так, как у него; иначе он ничего не поймет. Такими глазами простой человек (если угодно, назовем его дикарем) смотрит на природу: ему все в ней представляется так, как бывает у него. Если он идет, — он спешит куда-нибудь по делу или к приятелям; течет река — это она тоже хочет куда-нибудь пробраться; к кому он оборачивается, на того он смотрит; цветы оборачиваются к солнцу, — это они хотят любоваться на него; человек кричит, когда ему больно; дерево скрипит, ломаясь, — это оно тоже кричит от боли: как же иначе? Человеку больно будет, если у него сломать руку, а дереву будто не больно, когда у него ломают сук? Если он сам притащил к соседу бревно, это будет подарок соседу, сделанный от расположе-

ния или по доброте души; ему самому река выбросила ко двору бревно,— это река делает ему тоже подарок — добрая река! Он «с сердцов» пошел да и побил соседа; его самого дерево хлестнуло ветвью,— это дерево побило его, сердится на него. Одним словом: неразвитой человек видит в природе что-то похожее на человека, или, выражаясь технически, вносит в природу антропоморфизм, предполагает в ней жизнь, похожую на человеческую жизнь; река у него живое существо, лес — все равно, что толпа народа»¹. К настоящему времени накоплен солидный этнографический багаж, содержащий обстоятельное описание этого явления.

Когда началось формирование религии, аниматистские представления оказали существенное воздействие на этот процесс. На базе аниматизма выростала такая разновидность религиозного сознания, как анимизм, представление об одушевленности различных объектов. В анимизме действительность уже не кажется живой и ее объекты утрачивают видимость самостоятельности; представляется, что они управляют особыми, сверхъестественными существами. Развитие анимизма осуществлялось в форме переработки, перелицовки взглядов, свойственных аниматизму. Представление о всеобщей «оживотворенности» действительности постепенно и стихийно перестраивалось в представление о ее «всеодушевленности».

Свое содержание религия черпает также из различных идеалистических учений. На формирование раннего христианства, например, оказали воздействие такие течения философского идеализма, которые были связаны с именами Филона Александрийского и Сенеки. Первого Ф. Энгельс называл отцом христианства, а второго — его дядей. Крупнейшие деятели христианской церкви Тертуллиан и Иероним называли Сенеку «нашим». А Филон был впоследствии причислен церковью к лику святых.

На страницах издающегося в настоящее время Русской православной церковью «Журнала Московской патриархии» также отмечается вклад философского идеализма античности в идейную подготовку христианства. Печатный орган современного православия с сочувствием упоминает и других философов идеалистического направления, повлиявших на религиозную идеологию. Подчеркиваются, например, заслуги перед православием русского философа В. С. Соловьева: «Не подлежит сомнению...— пишет «Журнал Московской патриархии»,— факт решающего влияния его на развитие русской религиозно-философской мысли начала XX столетия»².

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., Гослитиздат, 1949, стр. 153.

² «Журнал Московской патриархии», 1958, № 3, стр. 77.

Существуют устойчивые связи и историческая преемственность между философским идеализмом и религией.

Религиозные построения складываются не только за счет переработки предшествующего материала, но и путем непосредственного включения его в свой состав. В ходе своей истории религия постепенно обрастает представлениями, появившимися в предшествующие времена. Вместе с развитием религии совершается рост этих исторических наслоений. Поэтому при рассмотрении каждого этапа религиозного развития важно учитывать не только возникающие новые построения, но и сохраняющиеся старые. Религия всегда содержит в себе элементы, неоднородные в генетическом отношении.

Так, аниматизм не был полностью поглощен анимизмом. В мифах, весьма древних по своему происхождению, духи действуют наряду с вещами, наделенными жизнью. И хотя аниматистские представления постепенно изживались, пережитки их обнаруживаются и на позднейших этапах истории. В музее г. Углича экспонируется колокол, который в конце XVI в. был обвинен в том, что призвал народ к мятежу. Ему вырвали язык, отсекли ухо, били плетью, после этого он был отправлен в ссылку, в Сибирь.

В свою очередь, и анимистические верования также имеют длительную историю. Они пережили первобытнообщинную формацию и вошли составной частью в позднейшие религиозные системы. Представления о душах и духах сохранились и в политеистических религиях, и в монотеистических.

В современных религиях содержится немало элементов, обязанных своим происхождением весьма отдаленным временам. Некоторые из них вошли в эти религии почти в первоизданном виде. Это так называемые реликты. Они как бы вкраплены в христианство, ислам, буддизм и другие религии, появившиеся сравнительно поздно. В работах советских этнографов выявлено и описано немало дохристианских, доисламских и добуддистских представлений и обрядов, хотя и связанных с мировыми религиями, но не достаточно ассимилированных ими и поэтому сохраняющих относительную самостоятельность. К числу этих архаических явлений относятся шаманизм, магия, культ животных и пр. Реликты особенно дают о себе знать в некоторых прежде отсталых районах — среди народов Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии, Южной Сибири. Они и в настоящее время заметно влияют на население этих районов и нередко оказываются более живучими и стойкими, чем ортодоксальные верования и обряды христианства, ислама, буддизма.

Исторические корни не только воздействуют на формирование той или иной религиозной системы — они способствуют и ее сохранению, придают ей устойчивость. В каждой религии складываются традиции, которые являются действитель-

ным фактором сохранения, стабилизации данных верований.

Религиозные традиции ломаются с большим трудом. Попытки резких и произвольных, не подготовленных в достаточной мере самим историческим развитием изменений религиозных систем не давали ожидаемого результата. История религии знает немало таких неудач.

Так, в Древнем Риме императорами предпринимались попытки создать мировую религию, чтобы она могла служить государственным интересам огромной державы. С этой целью был установлен централизованный культ богов, особо почитаемых народами, населявшими империю. Однако изменить естественный ход религиозного развития не удалось. «...Подобным образом, императорскими декретами, нельзя создать новую мировую религию. Новая мировая религия, христианство, уже возникла в тиши...»¹.

Нечто подобное произошло на Руси в конце X в., когда интенсивно развившийся процесс феодализации и образование обширного государства толкнули киевского князя Владимира Святославича на путь религиозной реформации. В Киев были доставлены изображения богов, взятые у различных племен, и введено поклонение им. Но и в данном случае волюнтаризм оказался безуспешным; спустя непродолжительное время в Киевской Руси государственной религией становится христианство.

При прочных и устойчивых религиозных традициях реформация, если она не подготовлена, не только не дает ожидаемого эффекта, но стимулирует иногда серьезные общественные потрясения. Таким был религиозный раскол, происшедший в России в XVII столетии в связи с реформой патриарха Никона. В ходе осуществления этой реформы, в общем весьма скромной по своему содержанию, были внесены некоторые исправления в богослужебные книги (по выражению русского историка В. О. Ключевского, произведена их корректура), изменены кое-какие обряды (введено троеперстие вместо двоеперстия, при богослужении «аллилуя» стала провозглашаться три раза, а не два и т. д.). Эти религиозные новшества вводились насильственно, без всякой подготовки и поэтому немедленно столкнулись с религиозными традициями, освященными веками, встретили религиозное противодействие, которое привело в движение различные слои русского общества. Реформа, направленная на укрепление церковной организации, естественно, не достигла поставленной цели.

Пренебрежительное отношение к религиозным традициям отрицательно сказалось и на таком течении в православии, как обновленчество. Модернизация русского православия, ставшая после победы Октябрьской революции неизбежной,

---

¹ К: Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 313.

осуществлялась в обновленческом движении чрезвычайно шумно и поспешно и не была принята массовым религиозным сознанием. Пересмотр социальной доктрины, этики, вероучения и других сторон религиозной системы, который намечался, но не был осуществлен обновленчеством, производится в настоящее время русской православной церковью более постепенно и осторожно, нередко трактуется как возврат к утраченным традициям прошлого.

Таким образом, все религиозное развитие осуществляется под определенным воздействием традиций, как бы при бессознательном контроле с их стороны. Да и религия в целом чем дальше отодвигается от своих первоначальных истоков, тем больше становится традиционной. Многовековое прошлое, несомненно, помогает религии поддерживать свое существование.

Учитывать исторические корни религии необходимо и при рассмотрении вопроса о причинах религиозности в социалистическом обществе. Одна из этих причин — влияние религиозных традиций. Исследования религиозности населения, осуществляемые в нашей стране и других социалистических странах, показывают, что различные религиозные вероисповедания, существующие при социализме, традиционны. При социалистическом строе не обнаруживается принципиально новых религиозных направлений, которые не были бы известны ранее. Исторические корни ныне существующих верований тянутся в досоциалистическое прошлое.

Тот факт, что некоторая часть старшего поколения не смогла порвать с религией и передала ее младшему, также объясняется в значительной мере силой привычки, ролью религиозной традиции. Во время конкретно-социологического изучения религиозности нередко приходится слышать такие высказывания: «Так уж заведено. Так наши отцы и матери поступали»; «я верю потому, что нас так родители учили» и т. д.

Конечно, историческая обусловленность религии — это лишь одна из причин ее существования. Но в борьбе с религией необходимо учитывать все факторы ее живучести, в том числе и консервативное воздействие ее исторического наследия.

6 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1970